

Трунов Ф.О.¹

Вклад ФРГ в стратегическую активность ЕС в мире

Аннотация. В статье анализируется настоящий и возможный будущий вклад ФРГ в военно-политическую деятельность ЕС на мировой арене. Исследование проводится с опорой на теорию строительства вооруженных сил и сценарный прогноз. На основе анализа перспективной организационно-штатной структуры бундесвера оценивается его способность одновременно выполнять масштабные обязательства по линии НАТО и комплектовать миссии ЕС. Указывается, что подразделения бундесвера, участвующие в миссиях ЕС, в каждом конкретном случае нацелены на выполнение определенных задач (например, реформу сектора безопасности, морское патрулирование), относительно немногочисленны (до нескольких сотен военнослужащих) и действуют с привлечением сил кризисного реагирования, которые, в отличие от многочисленных сил общего назначения, меньше задействованы в группировках НАТО. Отмечается, что в противодействии классическим угрозам безопасности ключевая роль отводится НАТО (при заметном вкладе ЕС на определенных направлениях, например, в миссии по подготовке кадров ВСУ), а в противодействии неклассическим угрозам, – напротив, больше заметен вклад Евросоюза. Подчеркивается, что, с точки зрения правительства ФРГ, секьюритизация повестки ЕС необходима, в числе прочего, для того, чтобы граждане Германии поддерживали правительственный курс на масштабную милитаризацию страны. Кабинету Ф. Мерца удалось достичь определенной «нормальности» в отношениях с США во вторую каденцию Д. Трампа, а также юридически

¹ Трунов Филипп Олегович – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, ИНИОН РАН (ltrunov@mail.ru). ORCID: 0000-0001-7092-4864

закрепить аналогичное состояние диалога с Великобританией, что способствовало сближению ЕС в целом с указанными державами. В статье также исследуется роль ФРГ в подготовке ребрендинга имиджа ЕС на Глобальном Юге в контексте перехода Евросоюза к «сдерживанию» Ирана и Китая. Отмечается, что в начале 2020-х годов стратегическое присутствие ЕС на Глобальном Юге значительно сократилось, поскольку ЕС не смог проявить себя как эффективный гарант мира и безопасности в ряде вооруженных конфликтов (прежде всего, в Сахеле). Делается вывод, что ФРГ будет последовательно проводить курс на европеизацию мощи НАТО и секьюритизацию деятельности ЕС, причем значимость второго направления во внешней политике Германии будет постепенно возрастать, особенно в среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: ФРГ, ЕС, конфронтация, НАТО, милитаризация, Ф. Мерц, У. фон дер Ляйен, США, Д. Трамп, Великобритания, постсоветское пространство, Украина, Глобальный Юг.

Германия стремится обеспечить высокую степень «западно-центричности» нового, возникающего миропорядка. Официальный Берлин полагает, что для достижения этой амбициозной цели необходимо не только масштабно наращивать военную мощь ФРГ, но и повышать дееспособность ключевых институтов Евро-Атлантического сообщества – НАТО и ЕС. Эти приоритеты зафиксировала прецедентная для Германии стратегия национальной безопасности (2023) [Wehrhaft ... , 2023, S. 5–7].

Задача статьи – исследовать участие ФРГ в военно-политической деятельности ЕС в настоящее время и в перспективе. Теоретической базой работы является теория строительства вооруженных сил (на основе изучения организационно-штатной структуры бундесвера оцениваются его возможности комплектовать миссии Евросоюза); основные методы исследования – сценарный прогноз и сравнительный анализ.

Российские и зарубежные специалисты в своих работах уделяли больше внимания общему состоянию потенциала ЕС в сфере безопасности и обороны, чем конкретным вопросам, связанным с его применением (например, с функционированием миссий) (см.: [Белинский, 2024 ; Надточей, 2024 ; Чернега, 2024 ; Becker, Kempin, 2025]). Данная статья посвящена изучению практических военных и политических усилий ЕС в сфере безопасности и обороны и вклада ФРГ в их осуществление. Работа выстроена по проблемно-географическому принципу.

Рост военной мощи ФРГ: сначала НАТО, затем ЕС?

В настоящее время правительство ФРГ стремится ускорить темпы роста военной мощи страны. В 2024 г. среди государств – членов НАТО Германия вышла на второе место по уровню военных расходов (после США), обойдя Великобританию; профильные траты ФРГ составили 72 млрд евро (85 млрд долл.), из них непосредственно в бюджет Министерства обороны поступило 52 млрд евро (61 млрд долл.) [Verteidigungsetat ... , 2024]. В 2025 г. бюджет Министерства обороны достиг 62,4 млрд евро (73 млрд долл.) [So kommt ... , 2025]. В 2024 г. военные расходы Германии превысили отметку в 2% от ВВП, в 2025 г. – 2,4%, к 2029 г. Берлин планирует увеличить показатель до 3,5% и достичь целевой отметки, установленной на саммите НАТО в Гааге (2025) [ibid.].

По мнению германского истеблишмента, масштабный рост военных ассигнований позволит ФРГ создать самые мощные конвенциональные ВС (без ЯО) среди европейских государств – членов НАТО. Эту концепцию канцлер О. Шольц озвучил в июне 2022 г. [«Russland darf ... , 2022], а сменивший его Ф. Мерц повторил в своем первом обращении к Бундестагу (май 2025 г.) [Regierungserklärung ... , 2025].

Двигаясь к данной цели, власти ФРГ сосредоточили усилия на трех основных направлениях. Первое – **увеличение численности личного состава**, особенно сухопутных сил. В 1990-е – середине 2010-х годов сухопутные силы были основным объектом сокращений в бундесвере. Обоснованность разработанных в конце 2010-х годов планов восстановительного роста наземных сил [Bundeswehr-Pläne ... , 2017] аргументировалась начавшейся в 2014 г. конфронтацией с Россией. В первое десятилетие конфронтации, с 2014 по 2024 г. численность бундесвера возросла с 178,8 тыс. до 182,7 тыс. военнослужащих [Defence expenditure ... , 2024, p. 13 ; Wiegold, 2025d], т.е. примерно на 4 тысячи человек. Власти ФРГ полагают, что с 2024 г. удалось обеспечить стабильную положительную динамику на этом направлении. В увеличенный военный бюджет на 2025 г. заложено финансирование почти 10 тыс. новых человеко-мест личного состава [Wiegold, 2025d]. В предлагавшихся планах фигурировали различные показатели перспективной численности бундесвера – максимум до 460 тыс. военнослужащих, что стало бы масштабным превышением «потолка» в 370 тыс. че-

ловек, который ФРГ добровольно и бессрочно приняла в 1990 г. по Договору об окончательном урегулировании в отношении Германии (так называемый договор «2+4») [Wiegold, 2025b]. Более скромные (и гораздо чаще озвучивающиеся) планы предполагают, что в ближайшее десятилетие численность бундесвера увеличится до 260 тыс. солдат и офицеров, т.е. примерно на 80 тыс. человек, причем не менее половины прироста придется на сухопутные войска [Wiegold, 2025c]. В 2024 г. в состав сухопутных войск входило 7,5 войсковых бригад (сведены в 3 дивизии). В среднесрочной перспективе планировалось сформировать заново минимум 8 бригад [Bundeswehr-Pläne ... , 2017]. Первой из них стала дислоцированная в Литве 45-я танковая бригада (тбр), реорганизованная из многосторонней боевой группы сил передового развертывания (СПР) НАТО. Бундесвер был ведущим комплектатором этой боевой группы с момента ее учреждения в 2017 г., а в июне 2022 г. О. Шольц объявил о прецедентном (в рамках Альянса) решении постепенно реорганизовать ее в полноценную бригаду [«Russland darf ... , 2022]. В 2024 г. власти ФРГ объявили, что данное войсковое соединение (4,8 тыс. военнослужащих) будет почти целиком состоять из германских военнослужащих, разместится в Литве на постоянной основе и получит наименование по регламенту бундсвера (45-я тбр), а не НАТО. Хотя процесс окончательного укомплектования 45-й тбр должен завершиться только к 2027 г., уже с апреля 2024 г. она считается начавшей службу [Panzerbrigade 45 ... , 2025].

Второе направление в продвижении планов правительства ФРГ по созданию самых мощных конвенциональных ВС в Европе – **техническая модернизация бундесвера**, т.е. разработка и закупка новых образцов ВиВТ. Уже в первые месяцы канцлерства Ф. Мерца объемы приобретений по ключевым категориям ВиВТ значительно возросли. Например, количество заказанных для бундесвера подводных лодок модификации 212CD увеличилось с 2 до 6 субмарин [U-Boot-Kooperation ... , 2025]. Власти ФРГ также планируют осуществить массированные закупки наземной техники, в том числе для вновь формируемых бригад: прежде всего, не менее 1 тыс. основных боевых танков Leopard 2А перспективных модификаций и 2,5 тыс. боевых бронированных машин (ББМ) Boxer (в основном БТР и БМП) [Wiegold, 2025a]. Анализируя реалии СВО РФ на территории Украины, Берлин стал уделять повышенное внимание разработке высокоточных ударных вооружений дальнего радиуса действия (прежде всего – ракет с дальностью до

2,5 тыс. км) и БПЛА, в том числе ударных модификаций [Wiegold, 2025b ; Trinity-House-Verteidigungsvereinbarung ... , 2024]. Производство ракетных систем Taurus (с дальностью полета до 500 км) было прекращено в начале 2010-х годов. В деле разработки и производства ракет ФРГ рассчитывает развивать сотрудничество с рядом европейских партнеров, а также с Великобританией [Trinity-House-Verteidigungsvereinbarung ... , 2024]. Уже в 2020 г. кабинет А. Меркель рассматривал вопрос о возможности предоставить бундесверу беспилотные системы с оружием на борту, уверяя, что это не будет нарушением формулы «с немецкой земли должен исходить только мир», закрепленной в договоре «2+4». Однако тогда сделать подобный шаг не удалось. При О. Шольце решение наконец нашлось: ФРГ стала поставлять ударные БПЛА Украине (например, HF-1) [Diese Waffen ... , 2025], тем самым создав прецедент для предоставления ударных БПЛА уже самому бундесверу.

Наконец, третье направление в продвижении планов официального Берлина – *политико-психологические меры*, предпринимаемые властями ФРГ для того, чтобы побудить граждан повысить мобилизационную готовность (в широком смысле), поддерживать разноплановый рост военной мощи страны. Ключевым положением в данном случае является постоянно повторяющийся тезис о том, что Россия является источником масштабных угроз (см., напр.: [«Russland darf ... , 2022 ; Regierungserklärung ... , 2025]). Официальный Берлин разрабатывает планы по наращиванию ВС: предлагается вернуть призыв на военную службу, чтобы увеличить не только численность бундесвера в целом, но прежде всего – число людей, готовых служить на профессиональной основе [Wiegold, 2025c], а также увеличить и значительно повысить боеспособность резервистов [Bundeswehr-Pläne ... , 2017 ; Wiegold, 2025c].

Следует подчеркнуть, что практически все вышеперечисленные планы, которые разрабатывает правительство ФРГ, направлены на выполнение все более масштабных и возрастающих обязательств Германии по линии НАТО, а не ЕС. Германия стремится к европеизации Североатлантического альянса, в том числе принимая на себя функции «рамочного государства» (крупнейшего государства-комплектатора и руководителя) для возможно большего числа многосторонних группировок блока [Трунов, 2024]. Означает ли это, что наблюдается снижение роли ЕС в стратегическом планировании ФРГ?

Для ответа на этот вопрос необходимо отметить различия между практическими компетенциями НАТО и ЕС, которые подтверждаются особенностями использования бундесвера. В противодействии классическим угрозам безопасности, т.е. угрозам, сопряженным с использованием полномасштабной военной составляющей, источниками которых обычно выступают акторы-государства, главная роль отводится Североатлантическому альянсу. Основу военного потенциала НАТО составляют силы общего назначения (СОН), предназначенные к использованию в пределах и вблизи зоны ответственности блока. Решением Мадридского саммита Альянса (2022) СОН были реорганизованы в новую модель сил НАТО (*англ.* New NATO force model, NNFM) общей численностью в 0,8 млн военнослужащих [Deni, 2024]. Существенную часть NNFM составляют «тяжелые» формирования, оснащенные танками, различными ББМ, артиллерией, а также тактическими ракетами и ударными БПЛА. К категории «тяжелых» войск относятся все наземные контингенты СПР НАТО в Восточной и Северной Европе, в том числе дислоцированная в Литве германская 45-я тбр [NATO's military presence ... , 2025]. По сути, 45-я тбр представляет собой выдвинутый к границам системного оппонента НАТО авангард ВС ФРГ, который в случае кризиса может быть усилен за счет главных сил, особенно формирований, относящихся к NNFM. Отметим, что новая модель сил НАТО предполагает интегрированное использование всех видов и родов войск, включая спецназ, кибер- и космические силы, но главная роль в формате NNFM принадлежит сухопутной компоненте. Первыми должны выдвинуться в передовую часть зоны ответственности НАТО силы союзнического реагирования (*англ.* Allied reaction force, ARF), наземная составляющая которых представлена «средними» (прежде всего, мотопехотными) соединениями с привлечением при необходимости «легких» (воздушно-десантных, аэромобильных) подразделений [Deni, 2024]. Последние относятся уже к силам кризисного реагирования (СКР), для которых главное – высокая мобильность, а не ударная мощь. Небольшие контингенты СКР способны действовать вдали от территорий Евро-Атлантического сообщества, противодействовать как классическим, так и неклассическим угрозам безопасности. И здесь существенную роль уже играет ЕС. Проект «европейской армии», направленный на обеспечение именно этого функционала, предполагает создание воинских подразделений численностью максимум в десятки тысяч военнослужащих (а не сотни тысяч, как

у НАТО). На решение задач по кризисному (конфликтному) реагированию нацелена также деятельность существенной части функциональных комитетов PESCO.

При этом в каждом конкретном случае речь идет о превалирующей, но не о полной нагрузке, т.е. общая нагрузка по выполнению поставленных задач распределяется на оба евро-атлантических института, но в разных пропорциях. К примеру, НАТО активно участвовала в борьбе с неклассическими угрозами безопасности вдали от зоны своей ответственности (показательный пример – деятельность Альянса в Афганистане в 2003–2021 гг.). В свою очередь, ЕС участвует в деятельности НАТО по «сдерживанию» России (примером является миссия EUMAM UA по подготовке кадров ВСУ, в том числе по их обучению обращению с различными образцами поставляемой Украине военной техники западного производства). ФРГ внесла значительный вклад не только в комплектование ряда группировок НАТО [Трунов, 2024], но и в комплектование миссии EUMAM UA [EUMAM UA ... , 2024]. Таким образом, можно сделать вывод, что Германия готова полноценно участвовать в стратегической деятельности обоих евро-атлантических институтов при наличии практических возможностей и значимого целеполагания в каждом случае.

В контексте долгосрочной сосредоточенности ФРГ на «сдерживании» РФ вполне закономерно, что большинство формирований бундесвера, особенно вновь создаваемых, предназначено для того, чтобы выполнять обязательства в рамках НАТО. Однако можно ли утверждать, что *в настоящее время и ближайшем будущем* ФРГ будет выделять военные ресурсы для использования под эгидой ЕС по остаточному принципу? Ответ отрицательный. Дело в том, что, хотя контингенты, использующиеся по линии ЕС, относительно невелики (обычно до нескольких сотен военнослужащих), функционально это в основном подразделения СКР (группы инструкторов, команды фрегатов и судов поддержки, подразделения транспортной авиации, воздушного десанта, морской пехоты, спецназа), которые ФРГ может выделить без ущерба для полноценного выполнения своих обязательств в рамках НАТО.

Увеличить свой военно-практический вклад в деятельность ЕС Берлин сможет лишь после того, как на уровне планирования конкретизирует, какой именно набор сил (прежде всего, общего назначения) является, с его точки зрения, базово достаточным для эффективного участия в конфронтации с РФ. С одной стороны,

для этого, по большому счету, нужно было бы дождаться окончания СВО, однако, с другой – к середине 2020-х годов уже стали ясны основные возможности каждой из сторон конфронтации. Показательно, что параметры NNFM были объявлены уже в июле 2022 г. [Deni, 2024], всего через несколько месяцев после начала СВО РФ. Поэтому весьма вероятно, что ФРГ уже в ближайшее время определит достаточные параметры своего вклада в деятельность НАТО по «сдерживанию» РФ и по мере фактического достижения нужных показателей возможности Германии по выделению дополнительных сил в состав миссий ЕС будут расти.

Можно предположить, что одновременно с этим будет возрастать и практическая ценность миссий Евросоюза во внешнеполитическом планировании ФРГ. Во-первых, эгида ЕС является (и еще долго будет оставаться) более предпочтительной, чем эгида НАТО, при реализации инициатив по увеличению стратегического влияния стран – участниц объединения на постсоветском пространстве – в «домашнем» и важнейшем для РФ регионе. Так, в 2023 г. мониторинговая миссия ЕС на границах Грузии с Абхазией и Южной Осетией (EUMM Georgia, действует с 2008 г.) была дополнена группами наблюдателей от Евросоюза вдоль новой межгосударственной линии между Арменией и Азербайджаном (миссия EUMA). В работе миссий EUMM Georgia и EUMA Германия играла заметную роль, способствуя сближению реципиентов (официальных Тбилиси и Еревана) с ЕС [EUMM Georgia ... , 2025 ; Deutschland unterstützt ... , 2023]. Вполне вероятно, что после окончания СВО Евросоюз попытается перенести деятельность миссии EUMAM UA с территории стран – участниц объединения (прежде всего, Германии) на запад Украины, а также будет проявлять растущий интерес к развитию военного сотрудничества с центральноазиатскими республиками постсоветского пространства (проведение совместных учений антитеррористического характера и пр.).

Во-вторых, неклассические угрозы безопасности ЕС отнюдь не исчезли. Их острота временно уменьшилась, причем в значительной степени она уменьшилась лишь субъективно, т.е. только в восприятии истеблишмента стран-участниц и институтов Евро-Атлантического сообщества. Ситуация 2015–2017 гг., включая кризис беженцев и рост террористической активности в ЕС, вполне может повториться, и в этом случае европейские страны будут решать задачи по предупреждению и купированию данных угроз с опорой на потенциал Евросоюза.

Ценность ЕС для принятия обществом ФРГ факта милитаризации страны

Исследуемые процессы предполагают не только прямую, но и обратную связь военно-практической деятельности ФРГ со стратегической активностью ЕС. С одной стороны, ФРГ стремится внести значимый вклад в увеличение объемов и расширение географии деятельности ЕС, с другой – нынешние заявления и действия руководства Евросоюза задают благоприятные рамочные условия для милитаризации Германии, а главное – для принятия этого факта существенной частью населения страны. Рядовой гражданин Германии в первую очередь сознает свою принадлежность к Европейскому союзу (поскольку ежедневно соприкасается с различными экономическими и политическими проявлениями функционирования ЕС), и лишь затем – к Североатлантическому альянсу. Поэтому секьюритизация деятельности ЕС оказывает гораздо большее воздействие на сознание жителей ФРГ, нежели европеизация растущей мощи НАТО.

Большое (в том числе символическое) значение для Германии имеет то, что пост председателя Европейской комиссии занимает У. фон дер Ляйен: она вступила в должность 1 декабря 2019 г., а в 2024 г. ее полномочия были продлонгированы на новый 5-летний срок. Она стала вторым политиком-гражданином ФРГ на этом посту: в 1958–1967 гг. (сразу после создания этой должности) председателем Европейской комиссии был В. Хальштейн. История в очередной раз продемонстрировала цикличность: в судьбоносные периоды институционального развития Европейских сообществ и ЕС председателями Еврокомиссии становились представители ФРГ, готовые заметно ужесточать конфронтацию с ключевым оппонентом (СССР и РФ). Если в 1960-е годы Европейские сообщества осуществляли сложный переход к общему рынку, то в конце 2010-х годов были завершены переговоры по Брекзиту и произошел чувствительный для имиджа ЕС выход Соединенного королевства из Евросоюза (1 февраля 2020 г.). В обоих кризисных ситуациях объединение в итоге сумело доказать свою дееспособность, а тот факт, что важнейший административный пост в ЕС в этот период занимал гражданин ФРГ, символизировал заметную «германоцентричность» объединения. Такое положение дел было весьма выгодно для Федеративной Республики как в практическом смысле, так и репутационно. Помимо прочего, интересам Бонна /

Берлина отвечало также и то, что полномочия и В. Хальштейна, и У. фон дер Ляйен были пролонгированы на второй срок, что является скорее исключением для председателей Еврокомиссии¹.

В свое время В. Хальштейн как статс-секретарь МИД ФРГ инициировал политическую доктрину, названную его именем, предполагавшую отказ ФРГ от установления дипломатических отношений с любым государством (кроме СССР), поддерживавшим дипломатические отношения с ГДР. «Доктрина Хальштейна» (1955–1970) стала первой тактикой политического бойкота, направленного против главного оппонента и наиболее близких к нему союзников, которую Федеративная Республика начала реализовывать практически сразу после вступления в НАТО (1955), в единой связке с тогдашней ремилитаризацией.

У. фон дер Ляйен до того, как стать председателем Еврокомиссии, возглавляла военное ведомство Германии (2013–2019). Именно под ее руководством были разработаны и начали реализовываться планы по масштабному росту мощи бундесвера (см., напр.: [Bundeswehr-Pläne ... , 2017]). Свой опыт руководства «военной машиной» У. фон дер Ляйен использовала и на уровне ЕС в целом. При ней число проектных комитетов PESCO возросло с 47 (созданы в 2017–2019 гг.) до 75 [Becker, Kempin, 2025]. Европейский союз заметно ужесточил подход к участию в конфронтации с РФ и стал во всё возрастающей степени проявлять критическое отношение к другим влиятельным центрам притяжения вне Евро-Атлантического сообщества (прежде всего, КНР). Кроме того, ЕС оказался полноценно вовлечен в процесс многосторонней выработки военных и политических мер, направленных на повышение эффективности «сдерживания» РФ после начала СВО: это выражалось прежде всего в участии представителей Евросоюза в саммитах G7, во встречах в формате «Рамштайн» [Mills, 2023, p. 8, 34–36], в телефонных и видеоконсультациях глав государств и правительств крупных стран – участниц НАТО (такие консультации интенсивно проводились до создания Контактной группы по поддержке Украины в апреле 2022 г. и стали проводиться чаще после прихода в Белый дом администрации Д. Трампа [Statement ... , 2025]).

¹ До У. фон дер Ляйен свыше пяти лет на посту председателя Еврокомиссии проработали лишь 3 из 12 политиков, занимавших эту должность (или 25%).

У. фон дер Ляйен долгое время была партийным функционером ХДС и входила в ближайшее окружение А. Меркель. Поэтому неудивительно, что ее личные контакты с канцлером О. Шольцем (от СДПГ; декабрь 2021 г. – май 2025 г.) были не так интенсивны, как контакты с возглавившим нынешнее правительство ФРГ христианским демократом Ф. Мерцем (см., напр.: [Statement ... , 2025]).

Запуск миссии ЕС EUMAM UA (декабрь 2022 г.) и ее последующее функционирование [EUMAM UA ... , 2024] имели большое практическое значение для Германии. Берлин получил удобную возможность диверсифицировать список многосторонних структур, под эгидой которых бундесвер был задействован в «сдерживании» России. Здесь следует отметить характерную для ФРГ весьма низкую готовность использовать своих военнослужащих в формате «коалиций желающих». В организованной Великобританией коалиционной миссии Interflex, стандарты которой стали ориентирами для работы миссии EUMAM UA (чтобы унифицировать приемы подготовки ВСУ), бундесвер не был задействован в принципе. При этом ведущий вклад в деятельность EUMAM UA вносили именно германские инструкторы. ФРГ активно участвовала в деятельности формата «Рамштайн», а также в работе ряда «коалиций желающих», специализировавшихся на передаче Украине конкретных видов ВиВТ, особенно если могла взять на себя ведущую роль. Однако в этих случаях речь шла о передаче вооружений и военной техники, а не о привлечении личного состава. Таким образом, список структур, под эгидой которых Берлин готов использовать бундесвер, в основном ограничен НАТО и ЕС (и в меньшей степени – ООН). В перспективе этот список может дополнить «евротройка» (ЕЗ; Великобритания, Франция, Германия), активность которой все более возрастает.

Эгида ЕС неоднократно использовалась для миссий, работа которых под флагом НАТО до определенного момента считалась чрезмерно провокационной для оппонента. Решение официально подключить Альянс к подготовке кадров ВСУ было принято лишь на Вашингтонском саммите (июль 2024 г.). До того подготовкой кадров ВСУ занимались только миссии Interflex и EUMAM UA, которые и впоследствии, особенно после переизбрания Д. Трампа президентом США, продолжали нести существенную нагрузку на этом направлении.

Политические диалоги ФРГ с США и Великобританией как фактор позиционирования ЕС

Сотрудничество ФРГ с влиятельными государствами – членами НАТО, которые не входят в ЕС, создает благоприятный фон для кооперации объединения с каждой из этих стран и тем самым приносит Евросоюзу практическую и репутационную пользу. Последнее особенно важно для придания большей «западноцентричности» формирующемуся миропорядку, в связи с чем государствам и институтам Евро-Атлантического сообщества важно продемонстрировать свой «коллективизм».

Особое значение для ЕС имеет диалог ФРГ с США. В первое президентство Д. Трампа (2017–2021) его администрация избрала ЕС и конкретно Германию основными объектами для критики и давления в рамках Евро-Атлантического сообщества. В 2019–2020 гг., говоря об отношениях Вашингтона с Берлином, их часто именовали «ледяными». Вторая администрация Д. Трампа (с января 2025 г.) минимизировала контакты с кабинетом О. Шольца, при этом подчеркивая доверительность своих отношений с незаблужденной «Альтернативой для Германии» (АдГ). АдГ заняла второе место на досрочных выборах в Бундестаг 23 февраля 2025 г., но не вошла в состав нового сформированного кабинета – очередного правительства «большой коалиции», но уже с ведущей ролью у ХДС / ХСС, а не СДПГ (с 6 мая 2025 г.). Новый канцлер Ф. Мерц сумел растопить «лед» в отношениях с США уже во время своего визита в Вашингтон 5 июня 2025 г., всего через месяц после вступления в должность [Erstes Zusammentreffen ... , 2025]. Успеху в диалоге Берлина с Вашингтоном способствовало в первую очередь то, что в результате последовательных, постепенно наращивавшихся усилий ФРГ сумела масштабно увеличить военные расходы и декларировала свою готовность нести повышенную нагрузку в рамках Альянса, особенно при реализации совместных с США многосторонних решений в сфере безопасности и обороны. Так, в 2023–2024 гг. Германия стала крупнейшим европейским поставщиком ВиВТ для Украины (в 2023 г. военная помощь составила 5 млрд евро, в 2024 г. – 7,1 млрд евро [Diese Waffen ... , 2025]). В некоторых категориях ВиВТ (в первую очередь это касается танков) Германия поставила больше единиц техники, чем США.

Согласие Ф. Мерца коммерциализировать сотрудничество с Белым домом и растущая готовность Берлина участвовать в жест-

ком «сдерживании» России (что заметно увеличивает свободу маневра для США в Европе и мире в целом) отвечают желаниям и устремлениям Д. Трампа. Хорошей иллюстрацией в данном случае служит «сделка» США и ФРГ по системам Patriot. ФРГ ускоренно передала Украине ряд систем Patriot из своих запасов, а взамен заказала новые в США с полной оплатой.

Руководство ЕС во взаимоотношениях с США также избрало курс, близкий к линии Ф. Мерца. Готовность ЕС коммерциализировать свои контакты с Соединенными Штатами к выгоде Белого дома проявилась в принятии Еврокомиссией в июле 2025 г. условий Д. Трампа по вопросу таможенных тарифов и инвестиций в экономику США. Ведомство федерального канцлера весьма позитивно оценило данные договоренности [Bundeskanzler Friedrich Merz ... , 2025]. В свою очередь, администрация 47-го президента положительно оценивает военную поддержку Украины со стороны ЕС, рассчитывая на ее продолжение.

В целом политика Берлина на американском направлении (в том числе – как пример для Брюсселя) способствовала восстановлению «нормальности» в отношениях администрации Д. Трампа как с ФРГ, так и с ЕС.

Аналогичным образом развивается и межгосударственный диалог Германии и Великобритании. Стороны сумели достичь «нормальности» во взаимоотношениях после болезненного для обоих государств Брексита – выхода Соединенного королевства из ЕС (процесс был запущен в 2016 г. и завершился 1 февраля 2020 г.). Преодолеть политико-психологические последствия Брексита помогло заметное расширение и углубление двустороннего сотрудничества в области «сдерживания» РФ. Ключевые направления этого сотрудничества: координация процессов производства и разработки новых образцов высокоточного оружия дальнего радиуса действия (прежде всего – ракет) и БПЛА, кооперация контингентов, размещенных в Балтийско-Скандинавском регионе (особенно наземных подразделений в составе СПР НАТО), а также подразделений ВМС в Северном море [Trinity-House-Verteidigungsvereinbarung ... , 2024]. Впервые с момента образования ФРГ (1949) ее диалог с Соединенным королевством обрел не только многостороннюю, но и двустороннюю юридическую основу: были подписаны декларация о намерениях (28 августа 2024 г.), соглашение между военными ведомствами (23 октября 2024 г.), общеполитический договор и программа проектов сотрудничества (17 июля 2025 г.). И если в

декларации о намерениях ЕС упоминался лишь вскользь [Gemeinsame Erklärung ... , 2025], то в «большом» общеполитическом договоре стороны соглашались рассматривать обоюдное сотрудничество с учетом членства Германии в Европейском союзе и кооперации Великобритании с объединением [Vertrag ... , 2025]. Таким образом, Берлин использовал сближение с Лондоном для того, чтобы задать рамочные условия (в том числе оформленные де-юре) для сближения ЕС с Соединенным королевством.

Ребрендинг образа ЕС как провайдера безопасности на Глобальном Юге

В начале 2020-х годов география военного присутствия ЕС (в том числе контингентов бундесвера) в странах происхождения вооруженных конфликтов на Глобальном Юге значительно сократилась. К весне 2024 г. была свернута работа миссий ЕС по обучению кадров армии и полиции в странах Сахеля, особенно в Мали и Нигере. Важнейшим событием следует признать вынужденное (и первоначально обозначенное как временное) прекращение деятельности миссии EUTM Mali (с апреля 2022 г.), в работе которой Германия играла ведущую роль. На фоне роста террористической активности, во многом обусловленного перегруппировкой сил боевиков, вступивших в симбиотические отношения с организованной преступностью, к власти в странах региона – сначала в Мали (в 2020–2021 гг.), затем в Буркина-Фасо (2022) и Нигере (2023) – пришли военные, считавшие, что усилия Франции и ее партнеров по ЕС по урегулированию ситуации и ведению антитеррористической борьбы неэффективны, и настоявшие на выводе миссий ЕС из стран региона [Antrag ... , 2022, S. 6–9]. Примечательно, что военные перевороты (прежде всего – в Мали) были организованы при поддержке военнослужащих, в подготовке которых ФРГ принимала заметное участие с середины 2010-х годов. Это свидетельствовало о недостаточной результативности усилий Германии и ее партнеров по ЕС по реформе сектора безопасности в странах региона (включая политико-просветительскую работу, нацеленную на то, чтобы объяснить местным солдатам и офицерам недопустимость силового вмешательства в вопросы государственного управления).

Принятое в феврале 2024 г. решение ЕС развернуть военноморскую миссию EUNAVFOR ASPIDES в Красном море для под-

держки усилий США и Великобритании в борьбе с хуситами означало, что Европейский союз впервые подключился к «сдерживанию» Ирана (в данном случае – на южном отрезке «оси сопротивления» ИРИ). Тем самым ЕС попытался найти новое целеполагание для своего военного присутствия на Глобальном Юге. Однако эффективность работы миссии EUNAVFOR ASPIDES (и особенно – контингента бундесвера в ее составе) оказалась низкой: не удалось ни пресечь, ни даже сколько-нибудь значительно ограничить атаки хуситов на суда, следующие в Израиль, не говоря уже о том, чтобы подорвать боевой потенциал хуситов в целом. Изначально Берлин проявил повышенный интерес к участию в деятельности миссии: в состав EUNAVFOR ASPIDES был направлен фрегат «Гессен», а «потолок» численности контингента бундесвера был установлен на уровне 0,7 тыс. военнослужащих [Antrag ... , 2024, S. 3, 5]. Однако «Гессен» находился в Красном море всего два месяца (до апреля 2024 г.), и, вопреки первоначальным планам, фрегат-сменщик («Гамбург») так и не прибыл в состав миссии [Wiegold, 2024], а участие ФРГ в EUNAVFOR ASPIDES ограничилось в основном использованием отдельных разведывательных самолетов морской авиации [Antrag ... , 2024, S. 5]. При этом де-юре «потолок» численности контингента бундесвера не изменился. Реальная причина сложившейся ситуации, скорее всего, заключается в том, что крупные корабли ВМС ФРГ не всегда способны успешно отражать удары БПЛА и особенно ракет со стороны хуситов.

Малая результативность использования личного состава бундесвера в составе миссий ЕС – тренировочной EUTM Mali и морской EUNAVFOR ASPIDES – показала властям ФРГ, что необходимо существенно повысить боеспособность германских ВС и провести их техническую модернизацию. Решить обе задачи Берлин рассчитывает в среднесрочной перспективе в рамках ныне осуществляемой милитаризации: боевые возможности германских фрегатов – кораблей, действующих в дальней морской и океанской зонах, – должны существенно возрасти по мере реализации программ разработки и производства ракет и ударных дронов (воздушных, морских и подводных).

Помимо прочего, необходимо отметить, что понижение порога применения силы увеличит готовность Берлина к силовому (и особенно – кратковременному и ограниченному по масштабам) использованию контингентов бундесвера в зонах нестабильности в Африке и Азии.

Будущий имидж ЕС как гаранта безопасности в странах происхождения вооруженных конфликтов будет во многом зависеть от того, какой уровень боеспособности продемонстрируют ВСУ к моменту окончания СВО (прежде всего – украинские формирования, обученные инструкторами военно-тренировочной миссии EUMAM UA). Этот индикатор особенно важен для ФРГ, исполняющей ведущую роль в деятельности данной миссии [EUMAM UA ... , 2024].

В конечном итоге всё вышеперечисленное служит единой цели: в военном плане обеспечить со стороны ФРГ ребрендинг ЕС как провайдера безопасности и стабильности на Глобальном Юге. Этой цели служат и планы Берлина и его партнеров по ЕС «измотать» Россию, ограничить ее активность в отдаленных регионах, особенно если в «домашнем» для РФ регионе – на постсоветском пространстве – начнет возрастать влияние «западных демократий». Схожи и ожидания ФРГ и ЕС в отношении Ирана, с учетом быстрого критического ослабления западного отрезка его «оси сопротивления» осенью 2024 г. Таким образом, ЕС делает ставку на значительное сокращение незападных альтернатив в деле оказания помощи и поддержки «хрупким» странам Глобального Юга.

При этом военное присутствие ЕС на Глобальном Юге будет нацелено не только и, скорее всего, не столько на урегулирование внутренних вооруженных конфликтов, сколько на «сдерживание» оппонентов – прежде всего, КНР и ИРИ. Для этого будут в наибольшей степени востребованы ВМС и ВВС. Бундесвер сможет задействовать в Азии и Африке свои фрегаты и небольшие группы самолетов, одновременно продолжая наращивать свой вклад в «сдерживание» России. При использовании сил ВМС и ВВС Берлину удобнее выступать под эгидой ЕС (а не НАТО или «коалиций желающих») [Коровникова, 2024, с. 95–97], чтобы, с одной стороны, сохранить определенную автономию от США, а с другой – учесть пожелания как Д. Трампа и его идейных продолжателей, так и их оппонентов.

С учетом первоочередных масштабных обязательств ФРГ в рамках НАТО, а также трудностей, связанных с увеличением численности бундесвера, Берлину выгодны медленные темпы роста военной мощи «европейской армии» в ближайшем будущем. Такое положение дел позволит Германии вносить заметный вклад во все миссии ЕС, число которых пока весьма ограничено. Можно

предположить, что в перспективе Берлин будет активно поддерживать не только европеизацию НАТО, но и дальнейшую секьюритизацию повестки ЕС, особенно в свете возросшей сосредоточенности обоих евро-атлантических институтов на «сдерживании» РФ.

В первые месяцы канцлерства Ф. Мерца Германии удалось достичь «нормальности» во взаимоотношениях с США при Д. Трампе, закрепить аналогичное состояние в межгосударственном диалоге с Великобританией после Брекзита и использовать всё это для того, чтобы улучшить отношения ЕС с данными державами. На постсоветском пространстве ФРГ заинтересована в расширении географии и увеличении числа миссий ЕС (прежде всего, военно-тренировочных, мониторинговых), каждая из которых будет действовать в рамках конкретной задачи и будет относительно немногочисленна, но функционально и политически ценна для ЕС и чувствительна для оппонента. Масштабы подобной деятельности особенно возрастут, если Украина войдет в ЕС. На Глобальном Юге ФРГ активно участвует в выработке новых форм и подготовке восстановления стратегического присутствия Евросоюза в странах этого огромного региона.

Оценивая факт нормализации отношений США – ФРГ к середине 2025 г., следует подчеркнуть, что в будущем подобное положение дел еще может измениться. Подтверждением тому стали жесткие критические высказывания президента Д. Трампа и канцлера Ф. Мерца в ноябре-декабре 2025 г. Поскольку Д. Трамп – наиболее видный представитель нелиберальных правящих элит Евро-Атлантического сообщества, а Ф. Мерц, напротив, – представитель либеральных кругов, очевидно, что вновь возникшие острые споры на высшем уровне отражают глубокие противоречия между двумя доминирующими направлениями в истеблишменте стран «коллективного Запада». В этом контексте довольно логично, что наибольшие разногласия между Белым домом и официальным Берлином вызывают принципиальные вопросы – пути решения «украинского вопроса» и степень жесткости подхода к «сдерживанию» России.

Литература / References

Белинский А.В. (2024). Гипотеза Пуанкаре на «великой шахматной доске»: сможет ли ЕС стать полюсом силы в XXI столетии? // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 1. – С. 131–151 [Belinsky A.V. (2024). The Poincaré equation on «the grand chessboard»: can the EU become a pole of power

in the 21st century? [*Gipoteza Puankare na «velikoi shakhmatnoi doske» : smozhet li ES stat' polyusom sily v XXI stoletii?*] // Current problems of Europe / RAN, INION. – Moscow. – N 1. – P. 131–151]. (In Russian). DOI: 10.31249/ape/2024.01.07.

Коровникова Н.А. (2024). ЕС–КНР : сотрудничество, соперничество или «снижение рисков»? // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 4. – С. 87–105. [Korovnikova N.A. (2024). The EU–PRC : cooperation, competition or «de-risking»? [*ES–KNR : sotrudnichestvo, sopernichestvo ili «snizhenie riskov»?*] // Current problems of Europe / RAN, INION. – Moscow. – N 4. – P. 87–105]. (In Russian). DOI: 10.31249/ape/2024.04.05.

Надточей Ю.И. (2024). Европейский союз в меняющейся парадигме глобализации // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 1. – С. 106–130 [Nadochey Yu.I. (2024). The European Union in a changing paradigm of globalization [*Evropeiskii soyuz v menyayushcheisya paradigme globalizatsii*] // Current problems of Europe / RAN, INION. – Moscow. – N 1. – P. 106–130]. (In Russian). DOI: 10.31249/ape/2024.01.06.

Трунов Ф.О. (2024). Роль Германии как «рамочного государства» НАТО // Общественные науки и современность. – Москва. – № 1. – С. 46–59 [Trunov Ph.O. (2024). The role of Germany as a NATO «framework nation» [*Rol' Germanii kak «ramochnogo gosudarstva» NATO*] // Social sciences and contemporary world. – N 1. – P. 46–59]. (In Russian). DOI: 10.31857/S0869049924010047.

Чернега В.Н. (2024). «Держава Европа» по Э. Макрону : мираж или реальная перспектива? // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 1. – С. 85–105 [Chernega V.N. (2024). «Power Europe» according to E. Macron : mirage or real prospect? [*Derzhava Evropa» po E. Makronu : mirazh ili real'naya perspektiva?*] // Current problems of Europe / RAN, INION. – Moscow. – N 1. – P. 85–105]. (In Russian). DOI: 10.31249/ape/2024.01.05.

Antrag der Bundesregierung : Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA). (2022) / Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. – Berlin. – 11.05. – 12 S. – (Drucksache 20/1761). – URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/20/017/2001761.pdf> (date of access: 13.12.2025).

Antrag der Bundesregierung : Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der durch die Europäische Union geführten Operation European Union Naval Force ASPIDES (EUNAVFOR ASPIDES). (2024) / Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. – Berlin. – 04.12. – 8 S. – (Drucksache 20/14044). – URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/20/140/2014044.pdf> (date of access: 13.12.2025).

Becker P., Kempin R. (2025). Europas Verteidigungsfähigkeit durch klare Aufgaben und Ziele stärken / SWP. – Berlin. – 8 S. – URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/aktuell/2025A35_eu_finanzierung_verteidigung.pdf (date of access: 13.12.2025).

Bundeskanzler Friedrich Merz erklärt zur Einigung von Kommissionspräsidentin Ursula von der Leyen und Präsident Donald Trump in den EU-US-Verhandlungen. (2025) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 27.07. – URL: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/suche/bundeskanzler-friedrich-merz-erklaert-zur-einigung-von-kommissionspraesidentin-ursula-von-der-leyen-und-praesident-donald-trump-in-den-eu-us-verhandlungen--2370770> (date of access: 13.12.2025).

Bundeswehr-Pläne : Heer soll drei volle Divisionen bekommen. (2017) / Deutscher Bundeswehr Verband. – Berlin. – 19.04. – URL: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen> (date of access: 13.12.2025).

Defence expenditure of NATO countries (2014–2024). (2024) / NATO. – Brussels. – 17 p. – URL: https://web.archive.org/web/20240618013940/https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2024/6/pdf/240617-def-exp-2024-en.pdf (date of access: 13.12.2025).

Deni J.R. (2024). The new NATO Force Model : ready for launch? / NATO. – Brussels. – 27.05. – URL: <https://web.archive.org/web/20240601040211/https://www.ndc.nato.int/news/news.php?icode=1937> (date of access: 13.12.2025).

Deutschland unterstützt Reformprozess in Armenien. (2023) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 02.03. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/scholz-empfaengt-pashinyan-2169058> (date of access: 13.12.2025).

Diese Waffen und militärische Ausrüstung liefert Deutschland an die Ukraine. (2025) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 17.04. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/waffenlieferungen-ukraine-2054514> (date of access: 13.12.2025).

Erstes Zusammentreffen mit Präsident Trump. (2025) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 05.06. – URL: <https://www.bundeskanzler.de/bk-de/aktuelles/merz-reist-nach-washington-2352332> (date of access: 13.12.2025).

EUMAM UA : the European training mission. (2024) / Bundeswehr. – Berlin. – 2 p. – URL: <https://www.bundeswehr.de/resource/blob/5712902/075e680135f1437c326925402d67ded5/flyer-eumam-data.pdf> (date of access: 13.12.2025).

EUMM Georgia : factsheet and figures. (2025) / EEAS. – Brussels. – URL: https://www.eumm.eu/en/about_eumm/facts_and_figures (date of access: 13.12.2025).

Gemeinsame Erklärung über den Ausbau und die Vertiefung der Beziehungen zwischen Deutschland und dem Vereinigten Königreich. (2024) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 28.08. – 2 S. – URL: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/975228/2304522/06711d8c0a50aac5c315bcc16b5dc834/2024-08-28-joint-declaration-de-data.pdf> (date of access: 13.12.2025).

Mills C. (2023). Military assistance to Ukraine since the Russian invasion. – London : House of Commons Library Publishing. – 70 p.

NATO's military presence in the east of the Alliance. (2025) / NATO. – Brussels. – 19.09. – URL: https://web.archive.org/web/20251004015506/https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm (date of access: 13.12.2025).

Panzerbrigade 45 : Zahlen und Fakten. (2025) / Bundeswehr. – Berlin. – URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/10-panzerdivision/panzerbrigade-45> (date of access: 13.12.2025).

Regierungserklärung von Bundeskanzler Friedrich Merz. (2025) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 14.05. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/regierungserklaerung-von-bundeskanzler-friedrich-merz-2347888> (date of access: 13.12.2025).

«Russland darf und wird diesen Krieg nicht gewinnen». (2022) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 07.06. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzler-in-litauen-2047754> (date of access: 13.12.2025).

So kommt Deutschland voran. (2025) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 06.11. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/faq-bundeshaushalt2025-2356272> (date of access: 13.12.2025).

Statement by President Macron, Prime Minister Meloni, Chancellor Merz, Prime Minister Tusk, Prime Minister Starmer, President von der Leyen and President Stubb on peace for Ukraine ahead of President Trump's planned meeting with President Putin. (2025) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 10.08. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/statement-by-president-macron-prime-minister-meloni-chancellor-merz-prime-minister-tusk-prime-minister-starmer-president-von-der-leyen-and-president-stubb-on-peace-for-ukraine-ahead-of-president-trump-s-planned-meeting-with-president-putin-2377442> (date of access: 13.12.2025).

Trinity-House-Verteidigungsvereinbarung zwischen dem Vereinigten Königreich und Deutschland. (2024) / BMVg. – Berlin. – 23.10. – 5 S. – URL: <https://www.bmvg.de/resource/blob/5851552/c82a5af00cf2185972277dc7e9d7b02e/20241023-uk-germany-joint-communiqué-englische-version-data.pdf> (date of access: 13.12.2025).

U-Boot-Kooperation mit Norwegen ausgeweitet : Sechs neue U-Boote vom Typ U212CD. (2025) / Bundeswehr. – Berlin. – 13.05. – URL: <https://www.bundeswehr.de/de/beschaffung-u212cd-uboote-5935660> (date of access: 13.12.2025).

Verteidigungsetat umfasst knapp 52 Milliarden Euro. (2024) / Deutscher Bundestag. – Berlin. – URL: <https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2024/kw05-de-verteidigung-977670> (date of access: 13.12.2025).

Vertrag zwischen der Bundesrepublik Deutschland und dem Vereinigten Königreich Großbritannien und Nordirland über Freundschaft und bilaterale Zusammenarbeit. (2025) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 17.07. – 27 S. – URL: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/992814/2365450/d44e30f16f6ca8280446bf490fca07b3/2025-07-17-freundschaftsvertrag-de-gb-data.pdf> (date of access: 13.12.2025).

Wehrhaft. Resilient. Nachhaltig : integrierte Sicherheit für Deutschland : nationale Sicherheitsstrategie. (2023) / Bundesregierung. – Berlin. – 76 S. – URL: <https://www.bmvg.de/resource/blob/5636374/38287252c5442b786ac5d0036ebb237b/nationale-sicherheitsstrategie-data.pdf> (date of access: 13.12.2025).

Wiegold T. (2024). Vorerst kein deutsches Kriegsschiff zum Schutz vor Huthi-Raketen ins Rote Meer // Augen geradeaus! – Berlin. – 19.08. – URL: <https://augengeradeaus.net/2024/08/vorerst-kein-deutsches-kriegsschiff-zum-schutz-vor-huthi-raketen-ins-rote-meer/> (date of access: 13.12.2025).

Wiegold T. (2025a). Auf der Bestellliste : 1.000 Leopard, 2.500 Boxer, 25 Mrd Euro Volumen // Augen geradeaus! – Berlin. – 05.07. – URL: <https://augengeradeaus.net/2025/07/auf-der-bestellliste-1-000-leopard-2-500-boxer-25-mrd-euro-volumen/> (date of access: 13.12.2025).

Wiegold T. (2025b). CSU-«Masterplan» für die Bundeswehr : Halbe Million Soldaten, Raketen mit 2.500 km Reichweite // Augen geradeaus! – Berlin. – 12.02. –

URL: <https://augengeradeaus.net/2025/02/csu-masterplan-fuer-die-bundeswehr-halbe-million-soldaten-raketen-mit-2-500-km-reichweite/> (date of access: 13.12.2025).

Wiegold T. (2025c). Eckpunkte für neuen Wehrdienst : Sechs Monate Dienstzeit, 260.000 Aktive // Augen geradeaus! – Berlin. – 04.07. – URL: <https://augengeradeaus.net/2025/07/eckpunkte-fuer-neuen-wehrdienst-sechs-monate-dienstzeit-260-000-aktive/> (date of access: 13.12.2025).

Wiegold T. (2025d). Kabinett billigt Haushaltsentwurf : in diesem Jahr Planstellen für 10.000 zusätzliche Soldaten // Augen geradeaus! – Berlin. – 24.06. – URL: <https://augengeradeaus.net/2025/06/kabinett-billigt-haushaltsentwurf-in-diesem-jahr-planstellen-fuer-10-000-zusaetzliche-soldaten/> (date of access: 13.12.2025).

DOI: 10.31249/ape/2026.01.04

Trunov Ph.O.¹
Germany's contribution
to the EU's global strategic activity

Abstract. *The article analyzes the current and possible future contribution of Germany to the military-political activities of the EU on the global stage. The study is grounded on the theory of armed forces development and scenario prognosing. Based on an analysis of the Bundeswehr's prospective staffing structure, the article explores Bundeswehr's ability to simultaneously fulfill large-scale NATO commitments and staff EU missions. It is noted that Bundeswehr contingents participating in EU missions are, in each specific case, aimed at carrying out specific tasks (for example, security sector reform, maritime patrols), relatively small (up to several hundred military personnel) and operate together with crisis response forces, which, in contrast to numerous general-purpose forces, are less involved in NATO groupings. It is also indicated that NATO plays a key role in countering classical security threats (although the EU makes a significant contribution in certain areas, for example, in missions to train Ukrainian Armed Forces), while in countering non-classical threats, on the contrary, the European Union's contribution is more noticeable. It is emphasized that, from the point of view of the German government, the securitization of the EU agenda is necessary, among other things, to ensure that German citizens support the government's course towards large-scale militarization of the country. Friedrich Merz's cabinet succeeded in achieving a certain «normality» in relations with the United States during D. Trump's second term, and also legally enshrined a similar state of dialogue with the United Kingdom, which*

¹ **Trunov Philipp Olegovich** – ScD in Political Sciences, Leading Researcher, INION RAN (1trunov@mail.ru), ORCID: 0000-0001-7092-4864

contributed to the EU's overall rapprochement with both of these powers. The article also examines Germany's role in preparing the rebranding of the EU's image in the Global South in the context of the EU course on «containment» of Iran and China. It is noted that in the early 2020s, the EU strategic presence in the Global South was significantly reduced, as the EU failed to prove itself as an effective guarantor of peace and security in a number of armed conflicts (primarily in the Sahel). The paper concludes that Germany will consistently pursue a course towards the Europeanization of NATO's power and the securitization of the EU's activities, with the importance of the latter in Germany's foreign policy gradually increasing, especially in the medium term.

Keywords: Germany, EU, confrontation, NATO, militarization, F. Merz, U. von der Leyen, USA, Trump, UK, post-Soviet space, Ukraine, Global South.

Статья поступила в редакцию (Received) 01.09.2025

Доработана после рецензирования (Revised) 05.09.2025

Принята к публикации (Accepted) 11.09.2025